

КСЕНИЯ

16+

ЕСТЬ

15

ЛЕТ

Ксения Есть Пятнадцать лет

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43425431

SelfPub; 2019

Аннотация

Антиутопия сама по себе трагедия для человечества, но и в ней крутятся человеческие истории. Мейсон едва ли смог бы выжить после пропажи матери. Самым трудным для него стали мысли о матери, но еще тяжелее становится первая встреча за столько лет.

Как много времени прошло с тех пор, когда люди торжествовали над роботами и технологиями? Вряд ли остались те, кто ещё помнит эти счастливые времена? Мало осталось и тех, кто живёт и не выживает, постоянно борясь за мизерные шансы начать ЖИТЬ! Большинство обитает в трущобах на окраинах городов, где жизнь ничего не стоит. Даже полиция боится заезжать туда, опасаясь попасть в апогей разборок местных авторитетных банд. А ведь эти банды единственный способ выжить в этом мире! Трущобы занимают большую часть городов, лишь центр уступая место жителям среднего класса, которые, по правде говоря, живут не многим лучше. Про элиту лучше вообще промолчать. Порой проводятся, так называемая, "зачистка". "Чистят", по сути своей, не угодных и трудоспособных людей. "Чистки" никогда не проводят с точным расписанием, чтобы жители трущоб не успели подготовиться. В одну из таких "чисткой" пропала Филисия Арон, вдова и мать-одиночка. В ту "чистку" пропало множество женщин и мужчин от двадцати до сорока, а также много детей до двенадцати лет. Такого рода "чистки" всегда заказывали бордели, чтобы пополнить персонал. Филисии было всего тридцать три, когда её похитили...

Тут начинается наша история. История сына и матери, которых судьба развела в разные стороны на долгие пятнадцать лет...

Мейсону, сыну Филисии и её мужа Ричарда, который был убит за два года до ее пропажи, было всего девять, когда мать

так и не пришла из магазина. Мы еще был единственным ко-го волновалась ее судьба. Он остался один в этом мире, на-полненном жестокости и ему пришлось стать таким же. Он воровал, в семнадцать вступил в банду. Такая жизнь, если у вообще можно так назвать, изменила Мейсона. Потух огонь в глазах, чужая жизнь перестала иметь хоть какое-то значе-ние, лишь бы можно было отсрочить момент собственной смерти. Единственное, что вообще заставляло его продол-жать терпеть этот ад, были воспоминания о матери. Он искал ее месяцами и годами на разных сайтах борделей. Почти по-теряв надежду, он увидел, на удивление, похожую на Фили-сию женщину. Она почти не изменилась, но взгляд, раньше бывший полным счастье, теперь потерял всякий блеск и был отчужденным и холодным. Парень без тени сомнения твердо решил выкупить. Он спустил на это все сбережения и после ещё несколько дней голодал, что, правда, не стала для него большой проблемой. Они обговорили цену, время и место, где и когда будет находиться женщина. Дождавшись назна-ченного времени, на которое был назначен обмен, он поехал на назначенное место. Ждал он, на удивление, долго. Через какое-то время подъехала машина. Из нее вышел мужчина с какой-то сумкой. Он зашел в подворотню и вышел оттуда.

Филисия открыла глаза. Она пыталась подняться, но ноги не держали.

"Меня купили, или выбросили? – подумала женщина. – Я должна бежать отсюда! Но идти не могу!"

Она глубоко дышала, и голова кружилась.

"Мне нужно найти сына!" – женщина нащупала в кармане своих брюк нож и немного успокоилась. По крайней мере, ей ничего не грозит. Филисия попыталась подняться, но снова рухнула, на этот раз потеряв сознание.

Мейсон все это время наблюдал за ней. Когда женщина потеряла сознание, он подошёл к ней и, взяв на руки, понёс в машину. Он положил её на заднем сиденье и, сев за руль, поехал к их дому. Сам он там долго не бывал, поэтому все покрылось пылью. Доехав до дома, он взял мать на руки и, зайдя в квартиру, положил её на кровать.

"Вспомнишь ли ты меня, мама?" – про себя спросил он.

Комната почти не была освещена. Полумрак был привычен. Мейсон сидел подле матери. Он держал в руках фотографию. Фотография была в рамке. Он взял её с тумбочки. Простая картинка. Семья: мама, папа и ребёнок. Филисия, Ричард и Мейсон. Внизу надпись мелким круглым почерком "Фил", потом ещё одна острым и более крупным "Ричи" и совсем уж детским "Мей". Это они подписали фотографию очень-очень давно.

Женщина открыла глаза. Она резко поднялась. Мейсон холодно посмотрел на неё.

– Почему я здесь? – спросила Филисия.

– Потому – он говорил каждое слово после достаточно большой паузы, – что я тебя купил.

"Не помнит." – подумал парень.

– Зачем тебе такая старуха? – опять задала вопрос женщина.

Мейсон промолчал. Филисия нащупала в кармане нож и прикинула, как нападёт. Парень же думал, как заставить её вспомнить. Несколько секунд молчания. Ещё одна. Ещё. Слышно, как тикает будильник. Парень глянул на фотографию. Женщина не сводит с него взгляд. Она делает вдох. Выдыхает. Резко поднявшись, Филисия толкнула Мейсона, но он лишь ударился о стену, решив, что это преимущество, женщина развернула его и, держа руки парня за спиной, поставила нож к горлу.

– Ну, отвечай кто ты, похотливый щенок? – холодно спрашивает она.

– Я... – парень не хотел верить, что сейчас его готова убить собственная мать. – Моё имя Мейсон, если тебя это интересует.

– Меня интересует лишь твой статус. – с той же холодностью произнесла женщина, так и не выдав, что имя парня вызвало у неё волнение.

– Статус? – Мейсон не удивился вопросу. Статус решает слишком многое в этом мире. – Я наёмник. Работаю на одну банду, но и на стороне зарабатываю.

– Название банды? – продолжала допрос женщина.

– Тигровая Лилия. – ответил парень.

– То есть мы с тобой коллеги. – не то спросила, не то констатировала факт Филисия.

Женщина отошла от парня.

– Повторю вопрос: причина, по которой ты купил меня? – нож всё ещё находился в её руках.

– Это неважно. – Мейсон поднял фото рамку и поставил её на тумбочку.

Фил глянула на фотографию в ней и замерла.

– Кто ты, черт возьми?! – крикнула она.

– Я мальчик, потерявший семью. – равнодушно ответил парень. – Как и многие здесь.

Женщина замерла, еле сдерживая слёзы. Яркие зелёные, что раньше горели огнем и счастьем, глаза её сына, её Мейсона, потухли. Сейчас перед ней был не тот девятилетний, не знающий боли этого мира в полной мере мальчик. Перед ней был тот, кто уже успел возненавидеть этот мир, тот, кто видел слишком многое. А ведь она всегда берегла его, когда была рядом. Он даже не знал, что она наёмник, что она убивает других. Он всегда считал её доброй ко всем и всегда счастливой.

– Пирожок? – прошептала она. – Прости меня, пирожок?

– Пирожка уже нет. – ответил Мейсон. – Пирожок давно погиб.

Долго мать и сын смотрели друг на друга. Филисия смотрела на Мейсона, а тот – на неё на фото. Он просто не мог поднять глаз на мать. Она еле сдерживала слёзы, но плакать не собиралась.

– Ты не жил здесь всё то время, да? – сдавленно и холодно

спросила женщина.

– До тринадцати я жил здесь. – таким же тоном отвечал ей сын. – Потом меня взяли в банду на грязную работёнку. В семнадцать я стал полноценным наёмником и членом "Ли-лии".

– Ты застал Моряка? – вновь задала вопрос Филисия.

– Прошлого главаря? Это про него говорили, что узлы из жертв крутил? – Филисия кинула, а ее сын покачал головой, – Нет, не успел, он умер через три года после того, как ты пропала. После него многие боролись за место главы, но большинство из этих многих погибли в то время. В итоге главарем стал сначала Птеродактиль, потом его грохнули. Теперь глава Швея, интересный тип, зашивает раны на трупах тех, кого убил. – рассказал Мейсон.

– Птеродактиль? Он был действительно хорошим наёмником. А Швею я не помню. – ответила она.

– Да, он был таким мальчиком на побегушках пятнадцать лет назад, потом стал потихоньку убивать, стал наёмником, а потом и главой. Именно он грохнул Птеродактиля. – объяснил парень. – Ты не хочешь поесть...

Мейсон замолчал. Повисла тишина. Она длилась полминуты, но для Филисии это была вечность. Вечностью это было и для её сына.

– Мама? – выдавил он.

Парень отвык от ласки. Отвык от заботы. Отвык от матери. Последние пять лет она и вовсе казалась ему чем-то аб-

страктным. Чем-то наподобие ангела. О чём можно думать и вот что можно верить, но никогда не увидишь в живую. И женщина отвыкла от этого. Семья была для неё единственным теплым местом, единственной отрадой.

– Да, – ответила она, – пирожок.

Они молча прошли в кухню. Там завалились кое-какие продукты.

– Я готовился к твоему приезду, мама. – сдавленно произнёс парень.

За годы поисков слово "мама" стало для него чуть ли не молитвой. Ему было сложно говорить это, как что-то обычное. Мейсон достал еды и наложил матери. Они оба молчали. Тишину оборвал сын:

– Не хотела бы – произнёс он, – сходить в штаб "Лилии"?

Женщина лишь кивнула. Фелисия вышла из дома. Следом вышел Мейсон. Парень закрыл дверь и подошёл к матери.

– Пойдём? – спросил он. Женщина кратко кивнула, глянув в сторону.

Она пошла вперёд. Парень удивился тому, как уверенно она шла. Они долго петляли по улицам. Фелисия шепнула сыну:

– Видишь, за нами идёт парень? – Мейсон кивнул. – Он карманник. Судя по жестикуляции, либо сынок кого-то важного, либо сам важный.

Мейсон мельком взглянул на их преследователя.

– Он опасен? – спросил он мать.

– Для меня нет. – коротко ответила Филисия. – Для тебя, может быть.

Женщина завела сына в переулок. Карманник последовал за ними. Он уже был готов напасть. Достал ножик. Подошёл ближе. Приблизился вплотную. Филисия резко развернулась и, ударив его в бок ногой, откинула к стене. Она достала нож и приставила его к горлу карманника, зажимая ступней его пах.

– Вот старая стерва. – прошипел он.

– Сын Вороны? – спросила женщина, сразу узнав парня. – Не помнишь тетю Фил?

"Почему она так быстро не узнала меня? – с ревностью подумал Мейсон. – И кто эта Ворона вообще?"

– Тётя Фил? – удивился карманник. – Я думал, вас уже убили.

Филисия отстранилась, держа нож наготове.

– Слишком мало думал. – хмыкнула женщина. – Учти, в следующий раз посмеешь напасть на меня, – холодно произнесла она, – я тебя не пожалею, даже не посмотрю на то, что ты сынок Вороны. Ясно?

– Да, ясно. – парень нервно кивнул и убежал.

– Кто эта Ворона? – спросил Мейсон. – И почему ты щадишь её сына?

– Ворона – мой давний друг. Он не раз спасал меня от гибели и голода. – ответила Филисия, убирая нож. – И я поща-

дила его сына лишь раз. Сейчас.

Она замолчала, а потом вновь обратилась к сыну:

– Помнишь, дядю Юлиана и тетю Лейси? – Мейсон немного подумал, а потом уверенно кивнул. – Вот Юлиан и есть Ворона, а Лейси – Павлин.

– Птичья банда? – уточнил парень.

– Именно, – сказала Филисия, – а теперь пойдём.

Они недолго шли до штаба. Охрана пустила их сразу, что удивило парня. Даже его не пускали так сразу. Все, кто видел их, замирали и смотрели на них, как чудо. Точнее, на Филисию.

– Привет, щенки! – сказала она громко. – Кто-нибудь проводит меня до вашего главаря.

С каждым словом матери, парень все меньше узнавал в ней ту, кого обожествлял все эти годы и всю свою жизнь. Та женщина, что любила его больше жизни, что была добра со всеми, теперь говорила, как последний уголовник и была готова на убийство чуть что, была наёмником и работала в банде. Это не укладывалось в его голове. К ним подошла девчушка лет семнадцати.

– Здравствуйте, госпожа Безымянный – обратилась она к Филисии. Затем посмотрела на Мейсона. – и господин Вой. Я отведу вас к господину Швее.

Девушка развернулась и пошла в сторону кабинета главаря банды. Парень и женщина последовали за ней.

– Почему Вой? – поинтересовалась Филисия.

– Это как с Птеродактилем. Только он сам издавал эти крики, когда жертва умирала, а в моем случае все наоборот: душу так, что начинают выть. – ответил пареньь.

Девчушка открыла кабинет. Женщина вошла туда. За ней, не так уверенно, вошёл пареньь.

– Это ты, поломойка? – хмыкнула Филисия.

И девушка, стоящая в дверном проёме, и Мейсон, замерли. Они ждали реакции главы банды. Это был мужчина лет тридцати пяти крепкого телосложения, поэтому и девчушка, и пареньь боялись, что он может разозлиться.

– Госпожа Безымянный, – босс поднялся и обнял Филисию. – рад видеть вас живой.

– Я вижу, ты сильно вырос за эти годы. – улыбнулась она.

– Да уж. – сказал главарь. – Вы с сыном, я погляжу.

– Именно. Окажешь теплый приём? – усмехнулась женщина.

– Для вас все, что угодно. – сказал Швея и крикнул девушке. – Принеси сюда всего самого лучшего!

– Да, босс. – девчушка поклонилась и исчезла.

– Устраивайтесь. – произнёс мужчина, указывая на шикарный диван.

Филисия бесцеремонно уселась. Её сын вел себя не столь вызывающе.

– Мама, – шепнул он. – впрочем... неважно...

Женщина изумлённо посмотрела на него и опустила взгляд.

– Всё после, пирожок. – еле слышно шепнула она. Женщина коснулась пальцами своих губ и дотронулась до носа парня.

Глава банды делал что-то на рабочем столе, а затем опустился на диван подле Филюсии.

– Сколько лет прошло. – с ностальгией сказал он.

– Много. – вздохнула женщина.

– Вас же забрали в какой-то элитный бордель? – спросил мужчина совершенно бесцеремонно.

– Да, но лишь для того, чтобы я убивала чьих-то богатых папиков и конкурентов под видом обыкновенной куртизанки. – женщина выглядела так, будто её и вовсе не касалась тема, о которой она говорит.

От этого Мейсону становилось не по себе. Он хотел поскорее покинуть это место. Парень не хотел верить, что его мать такая. Столь холодная, расчётливая, эгоистичная и самоуверенная. Где его добрая нежная мать с её ласковой улыбкой на губах и счастливым блеском в глазах? Куда она пропала и была ли вообще? Мейсон не знал ответов. И боялся их узнать. Филюсия долго беседовала с главарём "Лилии" о разных профессиональных делах, пока её сын был в раздумьях.

– Мои люди отвезут вас домой. – сказал Швея.

– Как скажешь, поломойка. – ответила женщина.

Глава проводил Филюсию и Мейсона до машины и попрощался в ними. Они залезли в неё. Ехали недолго, но в такой тишине, что те минуты казались часами. Женщина первой

вышла из машины. Затем и её сын. Они поднялись в квартиру, и Мейсон открыл дверь. Когда они зашли внутрь, парень грузно опустился и, обняв ноги матери, зарыдал. Филисия положила ладонь на голову сына.

– Пирожок, – произнесла она сдавленно. – что с тобой?

– Что с тобой, мама? – сквозь слёзы сказал он. – Почему ты такая?

– Ты не хуже меня знаешь почему. – еле слышно ответила женщина. – Я люблю тебя, пирожок.

– Мама... – шепнул он, плача. – я люблю тебя.

Его мать тоскливо смотрела на сына.

– Прости меня, пирожок... За эти годы...

Она сдерживалась из последних сил, чтобы не заплакать.

Мать взяла его лицо в свои ладони и заглянула в его глаза.

– Я так скучала... Честно, даже потеряла надежду...

– Мама... – в глазах у парня стояли слёзы.

– Я не покину тебя отныне, пирожок... Клянусь...

– Ты не сможешь выполнить эту клятву... – прошептал

Мейсон печально. – Когда тебя не станет, я вновь останусь один...

– Я буду оберегать тебя, даже когда сама умру, – по щекам Филисии потекли слёзы. – мой пирожок...